

На правах рукописи

ПАУЛЮС Пауль Йозеф

**СКАНДИНАВСКИЙ МИФ
И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ В ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЕ**

Специальность 24.00.01 — Теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Москва — 2019

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры АНО ВО «Институт кино и телевидения (ГИТР)».

Научный руководитель: **Строева Олеся Витальевна**, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Института кино и телевидения (ГИТР)

Официальные оппоненты: **Сиюхова Аминет Магометовна**, доктор культурологии, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»

Косякова Валерия Александровна, кандидат культурологии, доцент факультета культурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств»

Защита состоится 16 декабря 2019 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 210.004.01 при Государственном институте искусствознания по адресу: 125009, Москва, Козицкий пер., д. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института по адресу: 125009, Москва, Козицкий пер, д. 5, и на сайте института <http://sias.ru/research/dissovets/>. Автореферат размещен на сайтах ГИИ и ВАК Минобрнауки РФ (www.vak.ed.gov.ru).

Автореферат разослан « ____ » октября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к. филос. н. Вирен Д.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Известно, что культурная традиция зачастую отражается в массовых развлечениях, демонстрирующих архетипы и ментальные стереотипы социума. Мы обратились к рассмотрению комплекса архетипов североευропейской культурной традиции, акцентирующей внимание на концепции провиденциальности и фатализма, визуализированных в различных жанрах экранного искусства (массового и авторского кинематографа), а также в современной игровой индустрии.

Подобное явление ярко прослеживается в условиях трансформации феномена мультикультурализма в рамках развития современной массовой культуры, формируя целый ряд доминант, одной из которых, по нашему мнению, является значительное скандинавское влияние, наблюдаемое в первую очередь в развитии аудиовизуальных искусств, как то кинематограф, индустрия виртуальных развлечений и пр. Явления, которые можно условно именовать скандинавским контентом, повлияли на трансформацию современного массового сознания, став своеобразным мономифом своей эпохи (пример — шведский социализм). Не меньшую роль играет концептуальный скандинавский кинематограф, связываемый с такими именами, как Л. фон Триер или И. Бергман. Их творчество способствует процессу культурной глобализации, которая в контексте развития коммерческого искусства формирует феномен слияния различных структур в единое целое, порождая многочисленные смешанные образы, символизм которых сам по себе становится особым архетипом, демонстрирующим антагонизм массового и артхаусного кинематографа.

Характеризуемые явления активно рассматриваются такими авторами, как Б. Нордфьорд, Л. Т. Бротен, У. Эко, Г. Иверсен, М. Йорт, К. Бэйнбридж, М. Дж. Блэквелл, Дж. Кэлин и др.

В своем анализе экранной культуры Скандинавии мы опирались на ряд историко-теоретических работ А.С. Вартанова, Ю.А. Богомолова, В.И. Михалковича, Е.В. Сальниковой. В них был осмыслен феномен визуальной культуры в целом, а также социокультурные обстоятельства возникновения и развития

киноискусства и телевизионных художественных форм, принципы их функционирования и взаимодействия.

Скандинавский миф, рассматриваемый в работе как специфическое интеллектуальное поле и форма общественно-политического мышления, представляет собой конгломерат реликтов первобытного сознания и комплекса, так называемых, новых мифов этиологического характера, образующих устойчивый «культурный ландшафт» скандинавских народов. Лейтмотивом этого ландшафта является провиденциальность, обладающая способностью к трансформации с учетом сохранения своей сущности, фиксируемой в массовом сознании.

Научная актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью отдельных сторон рассматриваемой нами проблемы, что напрямую связано с высокой динамикой изменения историко-культурных реалий современной цивилизации. А это, в свою очередь, сопряжено с вопросом использования и трансформации архетипических конструкций в рамках современного экранного искусства. Универсальный характер рассматриваемой проблемы позволяет трактовать ее в качестве одного из факторов развития парадигмы посткультуры в целом. Подобного рода тенденции свидетельствуют о трансформации имеющихся форм культурной самоорганизации, из чего проистекает та «избыточная, хаотическая социокультурная активность, которую можно наблюдать в современности»¹. Для развития современной культуры характерна тенденция консолидирующего порядка, подразумевающая под собой стремление создать новую мифологию как единое символично-смысловое пространство.

Степень научной разработанности проблемы. Эпоха пангерманизма породила волну интереса к рассматриваемой нами проблеме в виде изучения комплекса ментальных стереотипов массового сознания германских народов, что повлияло на развитие юнговской теории архетипов как концентрированного выражения заката эпохи позитивизма. Трактовки К.Г. Юнга стали определяющими для комплексного восприятия пространства, наполненного особым содержанием — архетипическими структурами.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 42.

Важным этапом развития данной теории можно считать теорию мономифа Дж. Кэмпбелла², заложившего основы сравнительной мифологии, базирующейся на заполнении определенного пространства контекстами и смысловыми характеристиками мифа. Идея особой циклической конструкции в структуре мифа обоснована в работах румынского философа и культуролога М. Элиаде³, констатирующего стремление многочисленных сообществ возвратиться к мифологическому прошлому. Э. Эдингер⁴ во многом пытается объединить и систематизировать большую часть этих принципов, представляя их в качестве механизмов становления как массового сознания, так и механизмов самоидентификации отдельно взятого индивида и продолжая вслед за Юнгом изыскания в области коллективного бессознательного. Представленные механизмы уже в начале XX столетия активно используются в кинопродукции, а также в целом ряде иных форм визуализации, демонстрируя архетипические образы мужчины и женщины в качестве базовых структур нового культурного мифа, определившего формирование современной массовой культуры⁵.

Рассматриваемая проблема весьма близка вопросам, связанным с рассмотрением феномена мифа и кроющихся в нем провиденциальности и фатализма, активно осмысляемых в рамках семиотического подхода в исследовании пространства культуры Р. Бартом. Он трактовал миф как «особую коммуникативную систему в виде совокупности коннотативных значений, образующих латентный (скрытый) идеологический уровень дискурса»⁶. На этом

² См.: Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук, АСТ; Киев: Ваклер, 1997. 384 с.

³ См.: Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.

⁴ См. Эдингер Эдвард Ф. Эго и архетип. М.: Клуб Кастилия, 2015. 344 с.

⁵ См. подробнее: Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев: София, 2005. 496 с. См. также: Meadow M. J. Archetypes and Patriarchy: Eliade and Jung // Journal of Religion and Health. 1992. Vol. 31. № 3. Pp. 187—195; Johnson N. B. Image and Archetype: Male and Female as Metaphor in the thought of Carl G. Jung and Ogotemmel of the Dogon // Dialectical Anthropology. 1998. № 13. Pp. 45—62; Verteuil R. de. The Scapegoat Archetype // Journal of Religion and Health. 1966. Vol. 5. Issue 3. Pp. 209—225.

⁶ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 78.

тезисе базируются изыскания К. Леви-Стросса, применявшего принципы структурной лингвистики в антропологических моделях. Автор также счел необходимым привлечь рассуждения Л. Леви-Брюля и Дж. Фрэзера по этому вопросу.

Применительно к отечественной историографии, рассматривая различные аспекты развития мифа, стоит выделить системообразующие работы Ю.М. Лотмана, а также А.Ф. Лосева, М.М. Маковского, демонстрирующие природу мифа в качестве особого пространства, определяющего формирование концепции культуры на основе широкого спектра архетипов, которым посвящены труды Е.М. Мелетинского, М.Н. Липовецкого, С.Б. Борисова, Ю.В. Чернявской, Т.С. Злотниковой и др.

В рамках исследования активно использовались работы, рассматривающие проблему формирования и развития так называемого скандинавского мира и выражающие базовые архетипы нордического мифа, активно проецируемые в современном скандинавском кинематографе и кинопродукции, а также в индустрии виртуальных развлечений. Среди них особо следует выделить Э. Тервилла-Петра⁷, акцентирующего внимание на особенностях эволюции и становления северных верований, оказавших огромное влияние на становление скандинавской этнокультурной традиции в эпоху неоромантизма и определивших формирование феномена скандинавского мифа.

Работы Т.В. Топоровой очерчивают основные философские и социальные грани развития скандинавского общества через призму духовной жизни, ментальной традиции и базовых архетипов, характерных для этого региона⁸, что можно рассматривать в качестве развития идей Ф. Хольтхаузена, немецкого исследователя 1930-х гг. Также стоит выделить работы М. Шпигеля, А. Я. Гуревича, Е. Мельниковой, А.А. Хлевова, В.П. Будановой и А. Стринггольма.

Не менее важным компонентом нашего исследования стала проблема философской интерпретации кинематографа,

⁷ См.: Turville-Petre E. O. G. *Myth and Religion of the North*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1964. 340 pp.

⁸ См.: Топорова Т. В. Об архетипе воды в древнегерманской космогонии // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 91—99; Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 194 с.

преломляющая исторический материал в русле развития массовой культуры и ее компонента, ставшего основным предметом нашего исследования, — экранной культуры, являющейся механизмом формирования эстетических предпочтений социума. Этот вопрос активнейшим образом рассматривается такими исследователями, как Ж. Делёз⁹ (он одним из первых трактует кинематограф в качестве особой философской категории, имеющей специфические коннотации), М.А. Куртов, М.А. Аль-Хаким, Р. Арнхейм, А. Моль и другие.

Представленные исследования используются автором для демонстрации культурного взаимодействия на различных уровнях одной этнокультурной системы, трактуемой через призму теории архетипов в контексте развития современного киноискусства и игровой индустрии. Эксплуатация феномена скандинавского мифа порождает взаимовлияние различных факторов духовной жизни социума, образуя тем самым новые типы взаимосвязей и отношений. Мы полагаем, что в данном контексте наиболее ярко проявляется так называемая архетипическая функция, проецируемая на культуру и создающая эффект удвоения реальности. Это, в свою очередь, и порождает необходимость выделения архетипа в качестве культуuroобразующей единицы, генерируемой искусственным путем, что демонстрирует частичную управляемость культурогенеза. К.Г. Юнг при рассмотрении культурных явлений активно выделял также понятие психологемы, отождествляемой с архетипом, формирующим особое пространство как семантическую область сферы культуры. Это позволяет утверждать, что оформляющееся новое культурное пространство породило новые механизмы социокультурного взаимодействия, имеющие в своей основе хронотоп провиденциальности, содержащий ряд архетипических установок (культурных императивов) и приоритетов, основанных на архетипических образцах.

Объектом исследования выступает воплощение скандинавского архетипа в западной экранной культуре, включающей в себя произведения авторского и массового кинематографа, а также продукцию современной игровой индустрии.

⁹ См.: Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.

Предметом исследования является идея провиденциальности как особая архетипическая конструкция, трактуемая нами в качестве базового элемента скандинавского мифа.

Цель работы — исследование факторов формирования и эксплуатации паттернов северного архетипа провиденциальности в рамках современной экранной культуры.

Исходя из поставленной цели, в диссертации мы решали следующие **задачи**:

1. Выявить основное содержание архетипического паттерна скандинавского мифа, анализируя литературный мифологический материал эддической традиции и исландских саг.

2. Проследить трансформацию идеи провиденциальности под влиянием христианизации Скандинавии. Определить характерные и отличительные черты раннехристианского и протестантского провиденциализма, анализируя труды Блаженного Августина, Пелагия, Мартина Лютера и Кальвина. Выделить черты синтезированного архетипа скандинавско-протестантской провиденциальности практического типа.

3. Исследовать проблему формирования северного архетипа провиденциальности в скандинавском кинематографе на примере творчества И. Бергмана, Н. Рефна, Л. фон Триера, Н. Гёупа. Определить архетипические черты нордического героя, сформировавшиеся в экранном искусстве.

4. Проанализировать формирование образа скандинавского мифа в видеоиграх (на примере игр “The Banner Saga” и “Rune”).

5. Исследовать функционирование северного архетипа провиденциальности в массовом кинематографе на примере популярных сериалов «Викинги» и «Игра престолов». Выделить специфические черты нового нордического героя в массовом кинематографе.

Методологическими основами исследования служат принципы историзма и объективности, что предполагает непредвзятый подход к анализу проблемы инструментализации скандинавской ментальной традиции на примере кинематографической и игровой продукции. Автор использовал семиотический и герменевтический методы применительно к проблеме формирования ментального и культурного пространств

скандинавских народов. Структуралистский метод применяется при внутреннем анализе как социокультурной парадигмы, так и структурного разделения феномена ментального пространства.

Применяя в рамках исследования базовые методы аналитической психологии, такие как анализ, амплификация, метод свободных ассоциаций, автор рассматривает архетипы через призму культурологического анализа, что позволяет трактовать их в качестве механизма, генерирующего пространство культуры.

Комплексный характер подхода позволяет рассмотреть семиопсихологемное пространство культуры с позиции таких научных дисциплин, как философия, культурология, психология, синергетика, при рассмотрении выделяемых нами проблем, находящихся в теснейшем единстве. Диссертационное исследование выполнено на основе междисциплинарного подхода, т. е. с учетом познавательных принципов и приемов истории, социологии, политологии, социальной психологии, позволяющих комплексно подходить к исследуемой проблеме.

Гипотеза исследования заключается в том, что в синтетических видах искусства ярко проявляется комплекс архетипов, порождающих новые мифологемы, примером чего становится скандинавский миф, который интегрируется в контекст массовой экранной культуры как элемент всеобщей глобализированной системы образов. Соответственно, он активно включается в контекст современной мультикультурной традиции, что порождает формирование принципиально новой культурной концепции, фаталистической по своей природе и устойчиво базирующейся на идее провиденциальности.

Научная новизна исследования. Впервые предпринимается попытка комплексного изучения северного архетипа, в его современной стадии развития, ставшего одним из важных элементов современной массовой экранной культуры. Автор утверждает, что базовым фактором становления устойчивого пространства скандинавского мифа оказывается фаталистическое по своей природе мифологическое сознание. Скандинавский миф несет в себе архетип провиденциальности, опираясь на мифологему Рагнарёка (неизбежного конца), и архетип воина-берсерка, порождающие мотивы насилия и жестокости. Скандинавская мифология

акцентировала внимание на агрессивном выражении героями своего предназначения. Христианство же переносит борьбу в сферу духовного подвига, проецируя его через труд и служение своему ближнему, что наиболее ярко проявляется в североевропейском протестантизме. Скандинавская модель языческого мировосприятия подразумевает фатальный характер провиденциальности, в то время как христианство предлагает надежду на спасение, что придает ему характер оптимистичности.

Теоретическая значимость исследования.

В диссертационной работе показан базовый фактор становления пространства скандинавского мифа; доказано предположение об акцентировании внимания скандинавского эпоса на провиденциализме. Указаны базовые характеристики феномена культурного архетипа. Феномен провиденциальности рассмотрен как элемент массовой культуры. Работа представляется значимой для понимания воплощения скандинавского мифа в экранной культуре. Выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, могут быть использованы для анализа других аспектов современной культуры.

Практическая значимость исследования.

Основные положения, изложенные в диссертации, могут быть использованы как для теоретических научных исследований, так и при составлении учебно-методических курсов по таким дисциплинам, как культурология, история культуры, теория культуры, философия культуры, религиоведение, а также при прогностическом изучении развития современной культуры.

Достоверность научных результатов обеспечена теоретической обоснованностью исходных позиций, методологической обоснованностью направления исследования, применением комплекса методов, адекватных как природе предмета исследования, так и задачам, поставленным в работе.

Соответствие паспорту научной специальности. Данное диссертационное исследование «Скандинавский миф и его воплощение в экранной культуре» соответствует паспорту научной специальности 24.00.01 («Теория и история культуры»), в частности параграфам 1.8 («Генезис культуры и эволюция культурных форм»), 1.9 («Историческая преемственность в сохранении и трансляции

культурных ценностей и смыслов»), 1.11 («Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии»), 1.14 («Возникновение и развитие современных феноменов культуры»), 1.15 («Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества»), 1.19 («Культура и этнос»), 1.22 («Культура и национальный характер»).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Базовым фактором становления устойчивого пространства скандинавского мифа является фаталистическое по своей природе мифологическое сознание. Скандинавский миф несет в себе архетип провиденциальности, опираясь на мифологему Рагнарёка (неизбежного конца), и архетип воина-берсерка, порождающие мотивы насилия и жестокости.

2. Скандинавская мифология акцентировала внимание на агрессивном выражении своего предназначения. Христианство же переносит борьбу в сферу духовного подвига, проецируя его через труд и служение своему ближнему, что наиболее ярко и проявляется в североευропейском протестантизме. Языческая провиденциальность фатальна, в то время как христианство предлагает надежду на спасение, что придает христианской провиденциальности характер оптимистичности.

3. Протестантский архетип провиденциальности смещает акцент с обреченности на предопределенность в рамках закона. Мартин Лютер предлагает модель отложенной и позитивной предопределенности, а Кальвин придает ей смысл испытания в христианском смирении. Протестантский тип личности — это этический тип, чье поведение характеризуется практичностью, реалистичностью, ситуативностью, помощью ближнему.

4. Скандинавское искусство во многом развивалось в русле протестантской этики, синтезируя языческий архетип провиденциальности и героизации с этическими проблемами протестантского типа. Синтез фаталистического языческого архетипа и оптимистического прагматического протестантского провиденциализма ярко проявляется в работах скандинавских кинематографистов, таких как Ингмар Бергман, Ларс фон Триер, Николас Рефн и др.

5. Массовый кинематограф сформировал основные черты героя «нордического типа»: к ним относятся размеренность действий, хладнокровность и в то же время способность к жестокости и преступлению норм, из чего следует, что субъект скандинавского культурного архетипа поддерживает в себе подсознательную верность органичному стремлению жить сообразно происходящим и предначертанным событиям. Нордический герой также представляет собой тип сверхчеловека, выживающего в суровых условиях. Трагически печальный конец характерен для артхаусных картин, что также в буквальном смысле реализует идею обреченности.

6. Компьютерная индустрия активно использует феномен скандинавского мифа, базирующегося на провиденциальности с ощутимой фаталистической тенденцией, что стало одним из факторов популяризации в современном мультикультурном мировом сообществе нордического архетипа со всеми присущими ему атрибутами.

7. Неотъемлемой частью массового кинематографа является активное использование комплекса клише, формирующих как особую культурную реальность специфический скандинавский миф. Такие популярные сериалы, как «Викинги» и «Игра престолов», активно эксплуатируют скандинавский архетип, создавая эстетику всеобщей обреченности, разрушения старого мира и обретения нового через сакральное знание. Мотив насилия и жестокости и столь характерный для скандинавского архетипа образ боевого безумия превращаются в особый прием организации киноматериала.

8. Архетипический мотив выживания в суровом мире, свойственный нордическому типу героя-сверхчеловека, наделенного противоречивыми чертами, становится аттракционом массового кинематографа. Этот новый нордический тип героя массового кинематографа (Рагнар Лодброк, Джон Сноу, Клиган и др.) — одновременно жестокий и преисполненный чувства долга воин, раздираемый внутренним конфликтом смирения перед провиденциальностью и собственным достоинством, что и порождает его безумную храбрость и готовность идти на смерть.

Апробация исследования

Основные положения диссертационного исследования были отражены в докладах на всероссийских и международных

конференциях: IX Международной научно-практической конференции «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» (Россия, г. Екатеринбург, 16—17 мая 2015 г., Национальная ассоциация ученых), XXXI Международной конференции Центра гуманитарных исследований «Социум», посвященной проблемам общественных наук (Россия, г. Москва, 30 апреля 2015 г., ЦГИ «Социум»), XIII Всероссийской конференции «Экраны и публичные пространства в Новое и Новейшее время» (Россия, г. Москва, 20—22 апреля 2016 г., Государственный институт искусствознания), VII Международной конференции «Развлечение и искусство» (Россия, г. Москва, 16—18 ноября 2016 г., ГИИ), Конференции «География искусства» (Россия, г. Москва, 20—21 апреля 2017 г., Институт кино и телевидения ГИТР, ИНИОН РАН, Российский государственный гуманитарный университет).

Диссертация прошла обсуждение на кафедре теории и истории культуры Института кино и телевидения и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность, объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, характеризуются его методологические основы, освещается степень изученности темы, приводятся положения, выносимые на защиту, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Глава 1, «Становление скандинавского культурного архетипа в религиозно-мифологическом контексте», состоит из двух параграфов.

В первом параграфе, *«Концепция провиденциальности в литературной традиции Скандинавии в мифологическом контексте»*, рассматривается феномен провиденциальности, трактуемый автором в качестве базового фактора самоидентификации в североευропейской ментальной традиции. Провиденциальность как компонент мифа напрямую связана с феноменом культурного

ландшафта, где немаловажную роль играют климатические условия региона. Образы провиденциальности (другими словами — ожидания начала конца) ярко представлены в таких произведениях, как «Младшая Эдда» и «Старшая Эдда», а также в исландских сагах, изучение которых позволяет вычленить ключевые мифологемы северного архетипа. К ним относятся, в первую очередь, мифологема Рагнарёка и сопутствующие символы, сюжеты и визуализации мрачно-депрессивного характера, формирующие общую обреченную и меланхоличную тональность древнескандинавского культурного архетипа. В параграфе подробно анализируется символика «Прорицания вёльвы», «Саги о Волсунгах», «Песни о Нибелунгах» и других источников (как общие для индоевропейской мифологии образы мирового древа, яблока, дракона, так и специфические — волка, крови и насилия). Выделяются основные архетипические мотивы, отражающие фундаментальную диалектику провиденциальности во взаимоотношениях героя и судьбы. Архетип нордического героя близок типу берсерка — не знающего страха жестокого воина, посвятившего свою жизнь Одину; главной ценностью для берсерка является славная, героическая смерть.

Во втором параграфе, *«Трансформация идеи провиденциальности под влиянием протестантской революции»*, концепция провиденциальности анализируется в контексте христианской философской традиции, представленной в трудах многочисленных отцов церкви, среди которых выделяются позиция Августина Блаженного и его дискуссия с Пелагием о первородном грехе как о факторе предопределенности и свободной воле. Христианский дискурс в целом разрабатывает диалектику предопределенности и фатализма, предзнания и предопределения, в отличие от языческого провиденциализма, предлагая надежду на спасение. Таким образом, в период христианизации фаталистическая провиденциальность скандинавов трансформируется под влиянием религиозного оптимизма. Модель протестантского провиденциализма смещает акценты с обреченности на предопределенность в рамках закона, переносит борьбу в сферу духовного подвига, проецируя его через труд и служение своему ближнему. Мартин Лютер предлагает модель отложенной и позитивной предопределенности, а Кальвин придает ей смысл

испытания в христианском смирении. Скандинавское искусство развивалось во многом в русле протестантской этики, синтезируя языческий архетип провиденциальности и героизации с этическими проблемами протестантского типа.

Глава 2, «Воплощение скандинавского архетипа в контексте авторской и массовой экранной культуры», состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе, *«Общие черты нордического типа, сформированного в скандинавском кинематографе»*, приведен краткий обзор национального скандинавского кинематографа, и выделены наиболее важные концепции, лейтмотивы и типажи, сформированные в рамках киноискусства Северной Европы. В качестве базовых примеров интерпретируются экранизация 1921 г. романа К. Гамсуна «Плоды земли» («Соки земли», реж. Г. Зоммерфельд, Норвегия), а также современная работа Н. Рефна «Вальхалла: сага о викинге» (2009, Дания). Нордический тип героя, сформированный кинематографом, представляет собой сверхчеловека, выживающего в суровых условиях. Среди его отличительных качеств особое место занимает размеренность действий, хладнокровность и в то же время способность к жестокости и преступлению норм. Кроме того, скандинавская музыкальная культура в стиле black metal, представленная в фильме Рефна, способствовала формированию мрачного, сатанинского образа нордического типажа. В сочетании с образом викинга — жестокого воина — этот обновленный герой стал воплощением стереотипного представления о нордическом киногерое.

Во втором параграфе, *«Архетип провиденциальности в авторском кинематографе скандинавских режиссеров»*, анализируются произведения всемирно известных представителей авторского скандинавского кинематографа — И. Бергмана и Л. фон Триера. Классическим образцом проявления скандинавского архетипа в кинематографе служит творение И. Бергмана «Седьмая печать» (1957), где Смерть персонифицирована и становится одним из главных персонажей. Творчество Л. фон Триера анализируется на примере его ранней трилогии «Эпидемия» (1987), «Европа» (1991) и «Элемент преступления» (1984), где Европа представлена в мрачной и депрессивной атмосфере. Кроме того, рассматривается работа норвежца Н. Гёупа «Биркебейнеры», посвященная вольному

изложению истории Скандинавского полуострова. Жестокость по отношению к детерминированному миру и склонность к самопожертвованию (для того, чтобы познать давно предрешенное) становятся базовыми факторами повествования скандинавских режиссеров, являясь при этом специфическим способом познания мира, присущим нордическому культурному архетипу.

В третьем параграфе, *«Скандинавский миф в современной игровой индустрии»*, на примере игровых вселенных “The Banner Saga” и “Rune” исследуется эксплуатация скандинавского мифа в современной игровой индустрии. Компьютерные игры способствуют формированию и закреплению скандинавского архетипа в массовой культуре, наделяя его чертами боевого безумия, особым отношением к насилию, нацеленностью на смерть — то есть всеми характеристиками, которые входят в общую модель скандинавской провиденциальности. Кроме того, популяризируется сама скандинавская мифология, превращаясь в один из элементов мультикультурного глобализированного пространства.

В четвертом параграфе, *«Нордические образы в современной кинопродукции как фактор становления нового скандинавского мифа»*, рассказывается об использовании северного архетипа в сериалах, что является важным фактором формирования соответствующих мифологем в массовом сознании. Два самых популярных и крупномасштабных продукта современной киноиндустрии, «Викинги» и «Игра престолов», активно используют северный архетип, создавая эстетику обреченности и депрессивности. Мотив насилия и жестокости и столь характерный для скандинавского архетипа образ боевого безумия превращаются в особый прием организации киноматериала. Кроме того, архетипический мотив выживания в суровом мире, свойственный нордическому типу героя-сверхчеловека, наделенного противоречивыми чертами, становится аттракционом массового кинематографа.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы его основные выводы.

1. Базовым фактором становления устойчивого пространства скандинавского мифа становится фаталистическое по своей природе мифологическое сознание, структурно являющееся однолинейной конструкцией и, как следствие, несущее в себе идею причинности.

Материальные объекты и явления, воспринимаемые человеком через призму мифологической традиции, однозначны и устойчивы, что максимально систематизирует взаимоотношения человека с окружающим миром, делая фатализм базовой характеристикой человеческого мировосприятия. Поскольку мифологическое сознание социально по своей природе, человек идентифицирует себя с окружающим миром, являясь особым мифологическим субъектом. Этот мифологический субъект видит себя в единении с космосом, представляющим собой замкнутую систему, которая основана на неумолимом и неотвратимом ходе вещей, квинтэссенцией чего является идея обреченности и предопределенности.

Ее проводником становится такой фактор, как культурный ландшафт, который, в свою очередь, определяет становление концепции культурных архетипов и образуется путем переплетения слоев-сфер культуры — ментальной, социальной, экономической, формируя единый комплекс. На основании этого можно предположить, что скандинавский эпос акцентирует внимание на провиденциальности в связи с тем, что его действие происходит в регионе с суровыми климатическими, геополитическими и иными условиями, но, по нашему мнению, именно эта форма наиболее четко обнажает всю суть восприятия древним человеком как себя, так и окружающего мира. Столь явное укоренение идеи обреченности перед грядущими событиями, которые, кроме всего прочего, ведут к гибели мира и человечества, которым предстоит потом возродиться вновь и снова погибнуть, безусловно, оставило сильный отпечаток на скандинавском культурном менталитете. Признаки этого отпечатка проявились во всех последующих периодах развития народов Скандинавского полуострова, что ярко прослеживается в восприятии предопределенности в рамках скандинавского протестантизма как самобытного духовного феномена.

В значительной степени концепция предопределенности получила свое развитие после того, как скандинавский культурный архетип пережил христианизацию. Подтверждением этого тезиса могут быть рассуждения Блаженного Августина, Мартина Лютера, Жана Кальвина, Якоба Арминия и пр. И тем не менее их взгляды объединены особым отношением в традиции провиденциализма, что позволяет рассматривать их как символы своеобразных этапов

развития этой философской концепции в рамках европейской цивилизации. Можно предположить, что прослеживается особое стремление, проявляющееся в духовной жизни североевропейского региона и базирующееся на местной характеристике мироздания, опираться на предначертание свыше. Если у древних скандинавов выражением этого процесса был сам ход времен, то в христианской концепции автором (демиургом) такого плана является Бог. Скандинавская мифология акцентировала внимание на агрессивном выражении своего предназначения, стремясь, однако, продемонстрировать борьбу с судьбой и страхом перед неизбежным грядущим. Христианство же переносит борьбу в сферу духовного подвига, проецируя его через труд и служение своему ближнему, что наиболее ярко и проявляется в североевропейском протестантизме.

2. В современных реалиях, в рамках успешной интеграции в механизмы массового сознания, феномен культурного архетипа обладает характеристиками универсальной категории. Для него характерен эффект динамического круговорота, циклической зависимости событий в вертикальной и горизонтальной проекциях развития культуры. Важнейшей его характеристикой является иррациональность, подкрепляемая символичностью, при этом архетип весьма устойчив, что формирует эффект инструментализации предыдущего опыта. В силу того, что архетип мифологичен по своей природе, в нем легко могут быть прослежены фаталистические коннотации, формирующие концепцию провиденциальности в развитии современного киноискусства и игровой индустрии, что наиболее ярко проявляется в виде использования скандинавского мифа, активно эксплуатируемого современной массовой культурой.

Используя феномен манипуляции временем и пространством, высокотехнологичные виды искусства создают новые модели интеллектуального поля, разрывающие устаревшие информационно-семантические структуры культурного пространства, что приводит к реализации принципа сбалансированного единства. Данные модели обращены к коллективному бессознательному; они развивают концепцию мифологичности искусства, его взаимовлияния с социумом и выражаются в эффекте удовлетворения потребностей массового зрителя.

Активное использование устойчивых (базовых) архетипов, являющихся шаблонами, допускающими свое развитие и доработку, обеспечивает высокий коммерческий успех различных видов экранной продукции, что создает условия для формирования особой кинематографической образности, конститутивно, структурно и сценарно сходной с «классическими» мифологическими системами, стимулирующими самоидентификацию индивида. Использование архетипа возвращает к жизни обновленный миф о сверхчеловеке, успешно интегрирующийся в современные реалии, что усиливает эффект трансгрессии искусства: «возникает возможность “помыслить немислимое”, то есть ничего не оставить за пределами слова, не оставить за миром ничего неизреченного. В трансгрессивном дискурсе реальность представлена как доведенная до предела, тут дискурс предуготовливает мир к тому, что в нем, возможно, произойдет»¹⁰. Трансгрессивный менталитет стремится приблизиться к полному разрыву устоявшейся знаковой традиции.

3. Компьютерная индустрия на протяжении нескольких десятилетий активно использовала феномен скандинавского мифа, базирующегося на провиденциальности с ощутимой фаталистической тенденцией, и это стало одним из факторов популяризации в современном мультикультурном мировом сообществе нордического архетипа со всеми присущими ему атрибутами, что связано как с сознательной, так и с бессознательной эксплуатацией этого видоизмененного образа. Подобного рода интерпретации создают особую интеллектуальную атмосферу, обеспечивающую беспрепятственное вхождение этого комплекса архетипов в современное массовое сознание, что напрямую связано с феноменом мультикультурализма. Фаталистическая тенденция, в новых глобальных условиях, на фоне современных глобальных проблем, становясь частью сциентизма, окончательно входит в концепцию современной массовой культуры.

4. Неотъемлемой частью современной киноиндустрии является активное использование комплекса клише, формирующих как особую культурную реальность специфический скандинавский

¹⁰ Грякалов А. Событие и письмо (когнитивная аналитика поэтического языка) // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 291.

миф, базирующийся на фаталистической провиденциальности и демонстрирующий при этом цикличность существования всего сущего. Подобного рода философская концепция уже трансформировалась в самостоятельный архетип массового сознания и в рамках современной массовой культуры вышла за пределы Скандинавского полуострова, превратившись в мультикультурный феномен.

5. Феномен провиденциальности превратился в элемент массовой культуры, демонстрируя тем самым значительное влияние на Скандинавский полуостров феномена мультикультурализма. Для данного локального феномена, несмотря на его глобальные коннотации, характерен учет принципа всеединства, ключевым компонентом которого и является провиденциальность, проявляющаяся как напрямую, так и косвенно, что можно обнаружить в интенциях героев рассмотренных нами типов произведений быть сообразными своей судьбе, развернутой в жизни прежних поколений. Иногда это проявляется в каких-либо их косвенных качествах и особенностях, среди которых особое место занимает размеренность действий, хладнокровность и в то же время способность к жестокости и преступлению каких-либо заданных норм, из чего следует, что субъект скандинавского культурного архетипа поддерживает в себе подсознательную верность органичному стремлению жить сообразно происходящим и предначертанным событиям. Если на пути у человека с этими стремлениями возникают какие-либо препятствия, они устраняются зачастую деструктивными методами, что демонстрирует феномен ментальной обреченности.

Такие популярные сериалы, как «Викинги» и «Игра престолов», активно эксплуатируют скандинавский архетип, создавая эстетику всеобщей обреченности, разрушения старого мира и обретение нового через сакральное знание. Мотивы насилия, жестокости и столь характерный для скандинавского архетипа образ боевого безумия становятся особым приемом организации киноматериала. Архетипический мотив выживания в суровом мире, свойственный нордическому типу героя-сверхчеловека, наделенного противоречивыми чертами, становится аттракционом массового кинематографа. Этот новый нордический тип героя массового кинематографа (Рагнар Лодброк, Джон Сноу, Клиган и др.) —

одновременно жестокий и преисполненный чувства долга воин, раздираемый внутренним конфликтом смирения перед провиденциальностью и собственным достоинством, что и порождает его безумную храбрость и готовность идти на смерть.

Основные положения диссертационного исследования отражены в перечисленных ниже публикациях (общим объемом 7,18 а.л.).

Статьи по теме диссертации, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Паулюс П.И. Феномен скандинавского мифа в современной массовой культуре на примере сериала «Викинги» // Культура и искусство. 2018. № 6. С. 66—75. (0,94 а.л.)

2. Паулюс П.И., Овчинников В.М. Пространственно-временные аспекты развития игровых вселенных на примере рпг проекта «Готика» // Культура и искусство. 2018. № 6. С. 76—89. (1,29 а.л.)

3. Паулюс П.И. Воплощение идей «скандинавского мифа» в киновселенной «Песнь льда и пламени» // Человек и культура. 2018. № 4. С. 31—45. (1,36 а.л.)

4. Паулюс П.И., Овчинников В.М. Архетипы и мифологемы как элементы феномена «открытого мира» компьютерной рпг вселенной «Ведьмак» // Человек и культура. 2018. № 4. С. 46—56. (1 а.л.)

В других научных изданиях:

5. Паулюс П.И. Отражение северного архетипа обреченности и архетипа «хеппи энд» в кинематографе // Успехи современной науки: международный научно-исследовательский журнал. Т. 4. 2016. № 9. С. 165—168. (0,3 а.л.)

6. Паулюс П.И. Специфика фаталистического мировоззрения «Саги о Волсунгах» // Успехи современной науки: международный научно-исследовательский журнал. Т. 6. 2016. № 10. С. 13—17. (0,36 а.л.)

7. Паулюс П.Й. «Шепоты и крики» Ингмара Бергмана в свете философско-антропологических воззрений Эриха Фромма // Успехи современной науки: международный научно-исследовательский журнал. Т. 10. 2016. № 12. С. 72—76. (0,25 а.л.)

8. Паулюс П.Й. Две модели фатализма в «Саге о Волсунгах» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции, г. Махачкала, 15 февраля 2017 г. Махачкала: Апробация, 2017. С. 29—32. (0,2 а.л.)

9. Паулюс П.Й. Образ дракона и человека в североευропейской мифологической традиции в контексте фаталистических коннотаций скандинавского культурного архетипа // Культура. духовность. Общество: сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 22 февраля, 16 марта, 12 апреля 2017 г. Новосибирск: ЦРНС, 2017. С. 64—69. (0,26 а.л.)

10. Паулюс П.Й. Скандинавский миф как архетипическая конструкция в поле современной экранной культуры // Инновации в науке: научный журнал. 2017. № 4 (65), март. С. 22—26. (0,33 а.л.)

11. Паулюс П.Й. Феномен архетипа, проецируемый в массовой культуре // Форум молодых ученых: международное научно-практическое периодическое сетевое издание. 2017. Вып. 2 (6). [Электронный ресурс] URL: <http://forum-nauka.ru>. (0,43 а.л.)

12. Паулюс П.Й. Феномен скандинавского кинематографа как философская категория // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: журнал научных публикаций. Ч. I. 2017. № 3 (март). С. 130—133. (0,28 а.л.).

Паулюс П. Й. Скандинавский миф и его воплощение в экранной культуре : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. — Москва, 2019. — 23 с.

Подписано в печать . Формат А5.

Усл. печ. л. .

Тираж 80 экз. Заказ № .

АНО ВО «Институт кино и телевидения (ГИТР)»

125009, Россия, Москва, Козицкий пер, д. 5

<http://www.gitr.ru>